

УДК 821.111-312.4(410)
ББК 84(4Вел)-44
Р58

Jane Robins
WHITE BODIES

Серия «Двойное дно: все не так, как кажется»

Печатается с разрешения United Agents LLP
и The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского *Варвары Пахомовой*
Оформление обложки *Яны Половцевой*

Робинс, Джейн.

Р58 Белые тела : [роман] / Джейн Робинс ; [перевод с английского В. Пахомовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 384 с. — (Двойное дно: все не так, как кажется).

ISBN 978-5-17-107728-0

Финансист Феликс и восходящая звезда театра Тильда кажутся идеальной влюбленной парой. Но так ли это на самом деле?

Калли, скромная сестра-близнец Тильды, очень любит свою сестру и начинает бить тревогу, наблюдая, как жизнерадостная и успешная девушка превращается в свою тень. Калли неоднократно была свидетельницей вспышек ярости Феликса и замечала синяки на руках своей сестры.

Но Тильда любит Феликса. Он ее муж. Успешный и харизматичный, а также контролирующий, подозрительный и, возможно, опасный. И все же Тильда любит его.

А Калли любит Тильду. Очень, очень сильно. Поэтому она решила спасти ее. Но это может уничтожить их всех...

УДК 821.111-312.4(410)
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-107728-0

© Jane Robins, 2017
© Пахомова В., перевод, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Посвящается Кэрол

Осень 2017

Улики говорили: в то утро Феликс принимал душ. Больше о его кончине мне ничего не известно. Всё имеющееся у меня — странные обрывки информации и разрозненные показания случайных свидетелей. Я словно в театре: смотрю на сцену и вижу только массовку, декорации, игру света. Все значимые элементы отсутствуют. Нет ни главных героев, ни сценических ремарок, ни самого сценария.

Администратор рассказала, что утро, ставшее для Феликса последним, было свежим и холодным, на лужайке перед отелем осел иней, а на лес неподалеку опустился туман. Она видела, как Феликс вышел из отеля на пробежку, спустился по тропинке с гравием и за воротами повернул налево. «Я как раз тогда приехала на смену и пожелала ему доброго утра, — сказала девушка. — Он не ответил, а просто побежал дальше».

Через сорок минут Феликс вернулся в поту, тяжело дыша и опустив голову, чтобы восстановить дыхание. Заметив девушку-администратора, он выпрямился и сказал ей, что пробежался до поля для

гольфа, обогнул его по периметру, а потом вернулся к отелю длинной дорогой, через лес. Он подумал, что солнце, проглядывавшее через крону деревьев, смотрелось волшебным, и жизнь, казалось, только начинается — вот странно, надо же было ему произнести подобную фразу. Затем мужчина поднялся в номер, перепрыгивая через две ступеньки.

Феликс не спустился к завтраку, не заказал ничего в номер — даже легкий европейский завтрак, включенный в стоимость. Его коллега, Хулио, удивился, что Феликс не пришел на первую секцию конференции. Во время перерыва в утренней части Хулио подошел к его комнате с чашкой кофе и печеньем, но обнаружил на двери табличку «Не беспокоить». Мужчина предположил — Феликс нехорошо себя чувствует, возможно, даже спит, поэтому выпил кофе и съел печенье сам. «Мы не дождались его к обеду, — сказал Хулио, — и на дневной секции его тоже не было. К трем часам я несколько раз набирал номер Феликса, но звонки переходили на голосовую почту». Хулио стало не по себе. Феликс был всегда настолько надежен, что обеспокоенный мужчина снова подошел к комнате, постучал в дверь, а потом позвал менеджера отеля, который пришел уже с ключом.

Неестественная тишина в помещении и воздух, пропитанный чем-то потусторонним, поразили вошедших; Хулио говорил, что все казалось продуманным заранее и выглядело как живая картина: Феликс — центральный объект — лежал на кровати в странной, «балетной» позе: на спине, правая рука

откинута на одеяло, левая нога согнута, халат распахнут, серые глаза устремлены в потолок. Левая рука свисала с края кровати, и пальцы зависли над полом. Менеджеру, получившему степень по истории искусств, это напомнило прерафаэлитов, в частности, картину «Смерть Чаттертона». Только, в отличие от картины, на самоубийство это не походило: ни бутылочек из-под лекарств, ни бритв — ничего подобного не было.

Приехала доктор Патель. Администратор стояла у порога, пока она проводила осмотр. По ее заключению, после утренней пробежки Феликс перенес сердечный приступ или нечто схожее. Доктор ушла, а администратор сфотографировала тело и комнату: прикроватный столик, девственно чистую ванную, распахнутую дверь в душ, вид из окна и, наконец, нетронутый поднос с чаем и кофе. «Это странно, я знаю, — сказала она, — но мне показалось, будет правильно как-нибудь это задокументировать». Наверное, женщина думала, ее фотографии могут пригодиться позже и на них можно будет заметить какие-нибудь странные детали. Однако, кроме администратора, никто об этом не подумал. Стали известны результаты вскрытия, и они совпали с заключением Патель — смерть Феликса была связана с сердечным заболеванием.

Вот так всё просто, он потерял сознание — и вот мужчины не стало. Некоторое время казалось, он просто исчез. Мир захлестнул Феликса, как прилив.

Потом были похороны. В тот день я уехала из Лондона в милую деревню в Беркшире, где церковь в нор-

мандском стиле стояла в окружении надгробий и медных листьев, летящих по ветру. Когда увидела их, то подумала, что Феликс, рожденный и воспитанный в Америке, отправляется в последний путь очень по-английски, пусть даже люди, прибывавшие на похороны небольшими мрачными группами, происходили из самых разных уголков нашей планеты. Солидные мужчины в костюмах по фигуре, хрупкие элегантные женщины на каблуках. Я наблюдала за ними на расстоянии — со сломанной скамейки напротив кладбища, где пыталась успокоиться. Наконец, я проскользнула в церковь и встала сзади, у выхода.

Моя сестра, Тильда, была героиней дня. Она медленно шла к алтарю — печальная невеста. Я изо всех сил пыталась понять ее мысли в тот момент и вызвала у себя великое множество разных эмоций, от глубокого горя и чувства утраты до пьянящей свободы и облегчения. Всё было не то. Тильда, как всегда, оставалась для меня загадкой, так что я ограничилась лишь тем, что просто рассматривала ее дорогую одежду. Черное шелковое платье, строгий жакет ценой в тысячу фунтов, а то и больше — в этом нет сомнения. Я смотрела, как она занимает место на передней пустой скамье. Справа, перед самым алтарем, стоял гроб, где лежал Феликс, утопающий в белых лилиях, а слева, на деревянной подставке — огромное фото с его улыбающимся лицом. Через несколько минут мать и отец Феликса сели рядом с Тильдой, потом к ним присоединился его брат, Лукас. Он едва заметно кивнул моей сестре, которая сидела без малейшего движения, уставившись в пол.

Первый псалом — «Господь — пастырь мой» в довольно слабом исполнении, но я не могла петь. Вместо этого я припала к стене, чувствуя слабость и тошноту — происходящее потрясло меня. Не то чтобы я горевала по Феликсу, хотя мне грустно видеть членов его семьи такими подавленными и скорбящими. Главная причина состояла в том, что я слишком много знала. Я думала, полиция придет ко мне домой или в книжный магазин в тот день, когда он умер. Или наутро после вскрытия. Теперь же, на похоронах, я была совершенно уверена — полицейские ждут меня снаружи, переступая с ноги на ногу, чтобы согреться, курят, хотя им и не положено. Стоит мне выйти из сумрака под лучи осеннего солнца, как я услышу свое имя: «Калли Фэрроу? У вас будет минутка?»

Весна 2017

1

Ветки за моим окном тонкие и длинные, голые. Тильда стоит на другом конце комнаты, чем-то напоминая беспризорницу, и говорит:

— Как ты это терпишь? Словно сломанные пальцы стучат по стеклу. — Она открывает дверь и переступает порог. — В общем, я хочу, чтобы ты пришла сегодня вечером на Керзон-стрит. Будут тайская еда и фильм. «Незнакомцы в поезде». Хичкок.

— Я знаю.

— Приходи к восьми. И еще кое-что. Я хочу тебя кое с кем познакомить.

Приглашение кажется безобидным, но это не так. Начнем с того, что Тильда всегда приезжает в *мою* квартиру, когда мы собираемся посмотреть кино. Кроме того, знакомить меня со своими друзьями — на нее это не похоже. Она вообще редко о них

говорит. Я могу вспомнить только двух, и это ее подружки детства. Пейдж Муни и Кимберли Дуайер. Я сильно удивлюсь, если она видится с ними чаще раза в год, поэтому мне становится любопытно, и я собираюсь спросить: «С кем?», но Тильда уже спускается вниз по лестнице.

*

Я на Керзон-стрит, сжимаю в руках бутылку сидра, прекрасно зная, что сестра его пить не будет. Еще я принесла пирожные брауни.

Она ждет на втором этаже, у входа в квартиру. Затем приветствует меня с нехарактерным для нее энтузиазмом, целует в обе щеки с радостным возгласом: «Калли!» За ней на кухне стоит высокий светловолосый мужчина, рукава его рубашки закатаны, он занят, возится с посудой в кухонных шкафчиках. Подходит поздороваться, протягивает тонкую руку, и по тому, как он стоит, насколько уверенно чувствует себя в этом пространстве, я понимаю — он бывает здесь часто. Тильда смотрит на мужчину как собственница, внимательно изучая его волосы, плечи, оголенные до локтя руки.

— Калли, знакомься, это Феликс. Феликс Норберг.

— Я открываю белое вино, — говорит он. — Будешь?

— Нет, мне вполне хватит сидра. — Я приподнимаю бутылку «Стронгбоу» для наглядности и отношу ее на кухонный стол, думая, что, похоже, здесь

всем заведует Феликс. Кухня, вино. Затем он начинает задавать мне вежливые вопросы тем мягким тоном состоятельного человека, который рождает в голове ассоциации с крутыми яхтами и личными островами. Где я живу? Нравится ли мне моя работа в книжном магазине? Я тоже спрашиваю его о работе — Феликс работает в Мэйферском хэдж-фонде.

— Я даже не знаю толком, что это такое. Разве что это нечто вроде игры на бирже. Спекуляции.

Он смеется.

— Ты права, Калли. Наши клиенты предпочитают называть это инвестициями, так что мы часто над ними подшучиваем.

Чувствую, он и надо мной подшучивает. Смотрю, как аккуратно Феликс разливает напитки, рассматривая этикетку французского «Шабли», выверяя, чтобы вино в бокале достигло некоего идеального уровня. Он аккуратен и с моим сидром, как если бы это был благословенный нектар, а не просто пластиковая бутылка с огромной красной этикеткой, на которой значится: «3,30 фунта». Мужчина передает Тильде ее бокал, их руки соприкасаются, и сестра дарит ему легкую улыбку. Феликс возвращается к кухонным шкафчикам, вытаскивает тарелки и миски, протирает полотенцем, расставляет и параллельно рассказывает мне о том, как устроена торговля ценными бумагами.

— Вот представь, я продам тебе эту тарелку сейчас за десять долларов с условием, что доставлю ее в течение трех месяцев. Затем, перед самым концом срока, я приобрету эту тарелку за девять

долларов. Понимаешь? Я рассчитываю, что цены на рынке посуды снизятся и я получу прибыль в один доллар.

— Дорогая, однако, тарелка.

— Феликс любит дорогие вещи, — отзывается Тильда с дальнего конца дивана. Она живописно устроилась: поджав ноги под себя, одной рукой обнимает вельветовую подушку, другой — держит бокал. Наблюдает за нами, ей интересно, находим ли мы общий язык.

Я смотрю на Феликса, ожидая, что он скажет: «Вот поэтому я люблю твою сестру», но этого не происходит. Он просто усмехается, как бы говоря: «Ты меня подловила», открывает ящик для столовых приборов, вытаскивает ножи и вилки и протирает их. Я никак это не комментирую. Спрашиваю Феликса, откуда он родом и как давно в Лондоне. Его семья из Швеции, но вырос он в Бостоне, в США, и считает себя гражданином мира. Я хихикаю над этим выражением, и Феликс рассказывает, что хочет взяться за Англию и Лондон всерьез.

— Хочешь стоять в очередях, никогда «не забывать о зазоре» между вагоном метро и платформой и постоянно за все извиняться, ты про это?

— Да, а еще про ваше умение посмеяться над собой и любую ситуацию свести в шутку. И про то, как вам тяжело принимать комплименты... Знала ли ты, Калли, что твои темные глаза кажутся такими загадочными, проникновенными?

Напустив на себя серьезный вид, он смотрит мне прямо в лицо, и я чувствую смущение — Феликс